

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ Г. МОСКВЫ
«МОСКОВСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР»**

**РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМ. ПАТРИСА ЛУМУМБЫ**

**СОВРЕМЕННЫЙ МЕДИАТЕКСТ
И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ И
ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА**

**Сборник научных работ по итогам Международной научно-
практической конференции «Современный медиатекст и судебная
экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка»
(Москва, 12-13 октября 2023 г.)**

Москва 2023

УДК 81
ББК 81
Ф 94

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр»

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. В. Барабаш, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Ф 94 Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 12-13 октября 2023 г.). – Москва: ООО «СОЮЗКНИГ», 2023. – 400 с.

ISBN 978-5-6049239-4-8

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в медиасреде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа медиатекстов в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации языковой личности, а также внедрения достижений компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

© ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр», 2023

ISBN 978-5-6049239-4-8 ООО «София», ООО «Союзкниг»

«ТАКАЯ РАЗНАЯ ИРОНИЯ»: ОТ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА – К ДИФФАМАЦИИ

Аннотация. В статье затрагивается проблема неоднозначной экспертной квалификации иронии как стилистического феномена и потенциально инвективного средства, позволяющего адресанту, оставаясь в рамках юридической нормы, реализовывать речевую стратегию «игры на понижение».

Ключевые слова: ирония, стилистический прием, непрямая коммуникация, дискредитация, инвектива.

Современная медиасреда, являясь по своей языковой природе гетерогенной, при экспертной квалификации ее речевых продуктов требует учета не только собственно лингвистических, контекстуальных и экстралингвистических характеристик единиц текста, но и употребления их в конкретной коммуникативной ситуации.

Семиотическая усложненность медийной коммуникации обусловлена многими факторами: это и наличие наряду с вербальной коммуникацией элементов невербалики, присутствие значительной доли косвенных речевых актов в общем пространстве речевых актов, в отдельных случаях – преобладание «дискурсов» над собственно текстами и текстоидами в пространстве речевого общения [10]. Кроме того, необходимо учитывать разнообразное множество смыслов, передаваемых имплицитно через разноуровневые речевые единицы – косвенные компоненты содержания, косвенные высказывания, имплицатуры языковых единиц и т. д., которые в традиции, идущей от Э. Бенвениста, понимаются как отражение общесемиотического начала в языке, а В. В. Дементьевым объединяются в особую коммуникативную категорию – категорию непрямой коммуникации [3, с. 13]. Принципиально важным при анализе непрямой коммуникации (несемиотической коммуникации – по Э. Бенвенисту), для которой не характерна конвенциональность, четкая взаимная закреплённость и соотносённость плана выражения и плана содержания, является «представление об осложненной интерпретативной деятельности адресата речи, необходимой при коммуникативном использовании неконвенциональных единиц, поскольку итоговый смысл высказывания выводится именно адре-

сатом» [3, с. 13]. И поскольку в интерпретативную деятельность включается человеческий фактор, это делает непредсказуемым результирующий смысл высказывания и, соответственно, осложняет экспертную квалификацию неконвенциональных знаков.

К явлениям «семантического» (несемиотического) типа в коммуникативной деятельности следует отнести и иронию. Являясь в классическом понимании стилистическим приемом (иногда иронии характеризуют и как троп), ирония в современных медиатекстах становится доминирующим способом выражения непрямой оценки, позволяя адресанту, оставаясь в рамках юридической нормы, реализовывать речевую стратегию «игры на понижение» [5], балансируя на грани различных правонарушений (умаления чести и достоинства, оскорбления и др.). Рассмотрение же различных коммуникативных условий реализации речевых актов оскорбления с участием иронии позволяет выявить различные уровни инвективного потенциала иронии и расширить параметризацию данного стилистико-речевого феномена как инвективного средства.

Нельзя не согласиться с И. А. Соболевой, что «современный иронический тип медиаповествования – многогранный, неоднозначный процесс» [11, с. 45]. Решение вопроса о том, что представляет собой, ирония (троп или стилистический прием) оставим методологам, наша задача как исследователей-практиков попытаться прояснить лингвоюридическую коллизию – можно ли рассматривать иронию как инвективное средство и в целом – как средство, реализующее стратегию дискредитации. И если да, то какую иронию?

Сложность интерпретации иронии обусловлена, прежде всего, двойственностью ее филологического осмысления: в лингвостилистике ирония понимается как «... выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение», а в литературоведении и эстетике ирония понимается как вид комического, в котором «критическое отношение к объекту осмеяния носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде» [14, с. 143-144]. Фундаментального противоречия здесь нет, поскольку в интересующем нас лингвоюридическом аспекте актуализируется способность иронии в иносказательном виде выражать критическое отношение к предмету осмеяния, что и обеспечивает данному приему отнесенность к непрямым способам коммуникации со всеми вытекающими отсюда семантическими, прагматическими и коммуникативными нюансами, а также осложненностью интерпретативной деятельности адресата (и всех вовлеченных в конфликтную ситуацию, связанную с различной осмыслением иронического дискурса). Эти факторы и обуславливают широчайшую востребованность иронии в современной медиасреде.

Э. Р. Лассан связывает востребованность иронии в современном медиaprостранстве с преобладанием „игровой“ дискурсной формации, доминирующей интонацией которой и является как раз ирония: «Метафора ВЕСЬ

64 | МИР – ТЕАТР, лежащая в основе этой формации, ставила говорящего в позицию наблюдателя, зрителя спектакля, устраиваемого миром, и „зритель“ превосходил „безумный мир“ по признаку рациональности» [6, с. 73]. Слово в этой формации пародируется, трансформируется содержательно или формально, работает на аллюзиях, интертекстуальных отсылках (без опознавательных знаков или с ними), формируя косвенные компоненты содержания, имплицатуры, а в целом – общую непрямую тональность коммуникации и связанные с ней разнообразные по стилистической тональности комические эффекты (вспомним недавнее ироническое высказывание В. Путина в адрес президента Украины «Нравится, не нравится – терпи, моя красавица», ставшее своеобразным «хайпом», вызвавшее медийную волну в западных СМИ и последующее за ней вынужденное пояснение, что «эта фраза не имела никакого «личного измерения»).

Доминирующее положение иронии в современных медиа обусловлено и глубокой системной перестройкой средств оценочности, связанной не только с «мучительными поисками новой идеологии» и наблюдаемым «ослаблением или нейтрализацией прежних резко положительных или резко отрицательных оценок» в условиях отсутствия четких идеологических и политических ориентиров у авторов (о чем писал Г. Я. Солганик [12]), но и развитием манипулятивных речевых технологий, позволяющих автору снизить градус конфликтности с целью уйти из зоны юридической ответственности за речевое правонарушение. В этой ситуации, когда «степень выраженности социальной оценочности снижается» [13, с. 667], ирония выходит на передний план (как способ не прямой оценки). Комический эффект, достигаемый использованием иронии в различном контекстном окружении и с различными целеустановками, может обладать разнообразными семантическими тональностями: от добродушной насмешки, легкого иронического осмеяния и сатирического изображения объекта до резкого саркастического разоблачения, отягощенного инвективными потенциалом.

Так, автор (журналист одного из региональных изданий) в иронически-саркастическом ключе описывает городской конкурс молодых предпринимателей. При этом журналист не подвергает сомнению актуальность и серьезность намерений организаторов мероприятия (городскую администрацию). Однако ироническому осмеянию и саркастическому разоблачению подвергаются те участники из бизнес-сообщества, которые под видом «благих» целей используют финансовые возможности городского бюджета для решения проблем собственного бизнеса (через завышение расходов на конкурсные нужды). В этом случае автор пускает в ход целую палитру средств иронического повествования: антифразис («львиная доля средств, которые тратятся на кадры – это «святое»), литоту и логическое несоответствие (Видимо, наша торгово-промышленная палата так обнищала, что не может позволить себе даже точилок для карандашей!), литературные аллюзии (глава ТПП – О. Бендер), цель которых – снижение образа видного предпринимателя (главы ТПП) через ироническое осмеяние и создание желательных для говорящего ассоциаций и сравнений с образом мошен-

ника. В этом случае ирония помогает смягчить однозначность, категоричность авторской негативной оценки и представить суждение в форме некоей саркастической насмешки над действительностью, косвенно выражая свои эмоции и презентуя себя как яркую дискурсивную личность, и тем самым воздействовать на адресата, формируя у него определенную негативную окрашенную картину события (о комичности как «маркере действительности, суггестивности в языке СМИ» писала и М. Р. Желтухина [4, с. 266]). Налицо реализация коммуникативной оценочно-аксиологической речевой стратегии [7, с. 93], позволяющей автору балансировать между объективно-субъективным представлением действительности в тексте (в этом случае в отдельных высказываниях можно вычленить фактологический компонент, в целом же создается авторская интерпретация события с элементами сниженного стиливого регистра).

Однако не всегда авторам удается сохранить баланс и не перейти с пути иронического повествования на путь инвективной атрибуции персонажа, что может сигнализировать о наличии признаков коммуникативной тактики оскорбления в рамках общей стратегии дискредитации. К особо сложным случаям можно отнести сопряжение грубой иронии с передачей фактологической информации, когда автор в свойственной ему иронически грубоватой, стебовой манере передает известные ему факты, сопровождая ссылками на весьма авторитетные источники, что существенно осложняет экспертную квалификацию речевого деликта. Так, известный региональный журналист Б., по «совместительству» ведущий свой блог, довольно длительное время разрабатывал тему, связанную с волонтерской и благотворительной деятельностью в регионе. Надо сказать, что блогер системно работает в сниженном стиливом регистре, и в коммуникативной среде интернета имеет имидж блогера-ирониста. В одном из постов он попытался в грубой, стебовой манере «вывести на чистую воду» одну из значимых персон – жену высокопоставленного чиновника из администрации региона, которая организовала фонд поддержки военнослужащих и мобилизованных граждан. При этом, на взгляд блогера-ирониста, она не гнушается в своей деятельности использовать не совсем этичные (а в отдельных случаях – и криминальные!) с точки зрения добропорядочных сограждан способы пополнения денежных средств фонда: «ошкуривание» кандидата, по мнению блогера, происходит по отработанной схеме («схема работы у нее прикольная!»), когда «не выходит напрямую на толстосума» («опасается быть посланной куда подальше»), а «цепляют богатея через любовницу или любовника, жену или телок-тусовщиц» и начинают «тянуть с бедолаги на помощь, иначе блогерши что-то не то напишут». Причем для номинации «рьяных» сотрудниц фонда блогер использует не только грубо-уничтожительное «баба», но и инвективу «подельницы», намекая таким образом на криминальный характер благородной миссии сотрудниц фонда.

Здесь можно увидеть особый тип иронического повествования, который направлен на снижение градуса значимости ситуации: через грубую иронию, сопровождающуюся стилистическим диспаритетом и снижением

66 | стилевого регистра коммуникации – к инвективной атрибуции персонажа, корректирующей его образ с худшую сторону за счет статусного понижения и созданию образов с признаками гендерной ущербности. В этом видится и авторское глумление, и отчасти мужской шовинизм, позволяющий блогеру-журналисту через грубое ироническое осмеяние выразить авторское отношение (Политика – не женское дело!). Как правило, ирония медиадискурса (и в большей степени – цифрового формата) предполагает слегка завуалированные авторское превосходство, скептицизм, снисхождение по отношению к описываемым реалиям, выражая ценностные ориентиры иронической дискурсивной личности.

Это и признак речевой тактики самопрезентации, формирующей через повторение выбранной стратегии определенную авторскую манеру – стеб, «в котором прослеживаются элементы карнавального мировоззрения, трансформация ироничного в циничное, обусловленная установкой на провокацию, скандал и эксцентрику» [9, с. 117]. Стебовая манера автора искажает картину события, превращая его в грубый фарс и трансформируя картину события у читателя (см. о медиакартине мира у И. В. Анненковой [1]). В этой коммуникативной ситуации сложно вычленить дескриптивную составляющую, поскольку объективная ситуация подается в тексте преломленной через призму авторской интенции – грубо, хлестко высмеять объект осмеяния в глазах читателя, подвергнуть его критической оценке, обличению, тем самым осуществить ценностное снижение его в глазах окружающих. Это позволяет говорить о стебе как разновидности деструктивной деятельности говорящего. Вполне справедливо отмечают исследователи, что в современных медиа «за прошедшее десятилетие «иронический цинизм» трансформировался (эволюционировал) в циничный сарказм: уничтожение любых идеалов и ценностей» [2, с. 128].

Как пример последнего можно рассмотреть использование в коллаже изображение В. И. Ленина в последний (болезненный) период его жизни с очевидными признаками старческой немощности и с нелепым клоунским носом. На клоунуadu указывает и соответствующая надпись «Красный цирк». Так представители политических оппонентов особо грубым и циничным способом «разоблачают» идеологический фундамент современной коммунистической партии. Общая стратегия дискредитации политического оппонента реализуется в данном примере как явная циничная издевка над политической «немощностью» коммунистов с десакрализацией мировоззренческой идеи, долгое время составляющей идеологический фундамент партийной платформы и ведущий поведенческий и жизненный ориентир для всего социума. В данной коммуникативной ситуации автор коллажа добивается запланированного перлокутивного эффекта: политический оппонент унижен и уязвлен, дискредитирован в глазах читателя (в том числе и через развернутую метафору «политика-цирк», обладающую явным инвективным потенциалом через аллюзию, отсылающую к фоновым знаниям о цирковом иллюзионе как пространстве тотального «обмана» зрителя, в котором политическая жизнь предстает как мир циркового закулисья:

«иллюзионист Т. [видный представитель регионального отделения коммунистической партии] проведет сеанс развешивания лапши»).

Экспертная квалификация данного речевого деликта как инвективного (оскорбительного) должна учитывать двойственный характер ненормативности высказывания (и в этом мы солидарны с М. А. Осадчим) – с точки зрения собственно лингвистической и коммуникативной. Если в отношении лексически ненормативного высказывания не возникает сомнения в его экспертной квалификации как неприличного, априори соответствующего правовой квалификации как оскорбительного, вытекающего из юридической дефиниции оскорбления, то в отношении высказываний, нарушающих коммуникативные табу, такой однозначности нет, поскольку «состав коммуникативных табу не является предписанным... Табуированная семантика может содержаться в высказывании, полностью соответствующем нормам литературного языка» [8, с. 86]. В последнем случае требуется поправка не только на коммуникативную ситуацию (является ли высказывание, имеющее табуированную семантику, ситуативно приличным?), но и на современную лингвокультуру, учитывающую традиционные этические ценности. В этой связи необходимо дифференцировать иронические высказывания и определить ряд коммуникативных ситуаций с нарушением коммуникативных табу, которые могут сигнализировать о наличии инвективного потенциала у иронии. В соответствии со сказанным предыдущее высказывание в структуре политического коллажа может быть квалифицировано как нарушающее коммуникативные табу (т. е. ситуативно неприличное), поскольку реализует коммуникативную тактику оскорбления и издевки на основе инвективной атрибуции политического оппонента и десакрализации идеологической платформы.

Другой пример (и тоже с использованием фотоколлажа) затрагивает еще один из аспектов коммуникативных нарушений – это использование в инвективной атрибуции политического оппонента номинации «старая дева».

Данные из толковых словарей показывают, что дефиниция данной номинации содержат негативно оценочные семы с оттенками пренебрежения/презрения) и отмечены стилистической пометой «просторечное». С точки зрения лингвистической формы данное выражение не относится к словам-инвективам. Однако в русской лингвокультуре атрибуция (характеристика) объекта номинации (женщины) через характеристики, которые делают женщину объектом насмешек и пренебрежительного/презрительного отношения членов социума, наносит ей глубокую психологическую травму, тем более если это происходит в условиях публичной коммуникации. Эта негативно оценочная семантика с оттенками пренебрежения/презрения подтверждается и многочисленными медийными контекстами в Национальном корпусе русского языка: ужасно противная старая дева, Старая дева – *это диагноз* и др. Эти обстоятельства позволяют отнести факт такой атрибуции к нарушениям этических и коммуникативных норм, принятых в обществе. Кроме того, усугубляющими обстоятельствами употребления выражения

68 «старая дева» в описываемой в вопросе ситуации служит тот факт, что объектом негативно оценочной характеристики является публичное лицо, занимающееся общественно-политической деятельностью и являющееся официальным представителем и помощником депутата Губернской Думы, что существенно понижает статус данного лица в обществе и увеличивает инвективный потенциал данного выражения. Как видим, номинация «старая дева» особо циничным способом корректирует образ объекта вербальной характеристики, являющегося публичным лицом, в худшую сторону (понижает статус в обществе), делая политика объектом насмешки в социуме, что позволяет квалифицировать данную номинацию применительно к политике-женщине как ситуативно и коммуникативно неприличную и имеющую инвективный характер.

Резюмируем. Являясь в классическом понимании стилистическим приёмом, ирония в современных медиатекстах становится доминирующим способом выражения не прямой оценки, позволяя адресанту, оставаясь в рамках юридической нормы, реализовывать речевую стратегию «игры на понижение», балансируя на грани различных правонарушений (умаления чести и достоинства, оскорбления и др.). Рассмотрение различных коммуникативных условий реализации речевых актов оскорбления с участием иронии позволяет выявить различную семантическую тональность ее текстового воплощения (от насмешки, иронического осмеяния и сатирического изображения объекта до резкого саркастического разоблачения, отягощенного инвективным потенциалом) и расширить параметризацию данного стилистико-речевого феномена как инвективного средства.

Литература

1. Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века: лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова: Изд-во Московского ун-та, 2011. 390 с.
2. Выровцева Е. В. Стилистические особенности текстов печатных СМИ как формы медиавируса / Е. В. Выровцева // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 80. Филология. Искусствоведение. № 21(312). С. 125-130.
3. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
4. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: Ин-т языко-знания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
5. Иссерс И. С. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) / И. С. Иссерс // Юрислингвистика I. Барнаул, 1999. С. 11-127.
6. Лассан Э. Р. Изображение речи власти как средство ее десакрализации / Э. Р. Лассан // КиберЛенинка – научная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazhenie-rechi-vlasti-kak-sredstvo-ee-desakralizatsii/viewer> (дата обращения: 10.07.2023).

7. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2006. 336 с.

8. Осадчий М. А. Русский язык в судебном процессе: книга для судебных лингвистов-экспертов, журналистов, политиков, специалистов по рекламе и PR. Изд.2-е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2020. 256 с.

9. Панченко Н. Н. Жанровое своеобразие стеба в интернет-коммуникации / Н. Н. Панченко // Жанры речи. 2016. № 2. С. 116-122

10. Сиротинина О. Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи / О. Б. Сиротинина // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994. С. 105-124.

11. Соболева И. А. Функциональный потенциал иронии в современном медиадискурсе / И. А. Соболева // Дискурс-Пи. 2018. № 3-4(32-33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnyy-potentsial-ironii-v-sovremennom-mediadiskurse> (дата обращения: 14.07.2023).

12. Солганик Г. Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990-1994 г.г.) / Г. Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. Вып. 1. М., 1996. С.13-25.

13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

14. Энциклопедический словарь-справочник: выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2005. 480 с.

M. A. Vengranovich

“SUCH DIFFERENT IRONY”: FROM STYLISTIC DEVICE TO DEFAMATION

Abstract. The article touches upon the problem of the ambiguous expert qualification of irony as a stylistic phenomenon and a potentially invective means that allows the addressee, while remaining within the legal norm, to implement the speech strategy of “playing for a fall”.

Key words: irony, stylistic device, indirect communication, discredit, invective.

Венгранович М.А. «Такая разная ирония»: от стилистического приёма – к диффамации. // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции «Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка» (Москва, 12–13 октября 2023 г.). – Москва: ООО «СОЮЗКНИГ», 2023. С. 62–69.